

Юлий Глазер

**О влиянии суда на приговор
присяжных**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю33

Ю33 **Юлий Глазер**
О влиянии суда на приговор присяжных / Юлий Глазер – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 116 с.

ISBN 978-5-518-10464-8

ISBN 978-5-518-10464-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

3) Присяжные имѣютъ право ограничиться констатированіемъ фактовъ, избирая для этого особую форму приговора — *частный вердиктъ*. Это доказываетъ, что судъ не вправе совершенно запретить присяжнымъ юридическую оцѣнку фактовъ.

4) Съ другой стороны, и обвинителю не предоставлено права удерживать присяжныхъ отъ юридической оцѣнки фактовъ. Обвиняемый, правда, можетъ это сдѣлать, но только въ одномъ случаѣ, — именно: когда онъ представляетъ противъ обвиненія такое возраженіе, (именно такъ-называемый *demurrer*), которое считается равносильнымъ признанію справедливости фактической стороны обвиненія. Въ этомъ случаѣ, если юридическій вопросъ рѣшенъ не въ пользу обвиняемаго, то окончательный приговоръ, строго говоря, долженъ постановляться однимъ судомъ безъ участія присяжныхъ, — правило, которое и теперь еще не утратило своей силы въ англійской судебной практикѣ. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что стороны, точно также какъ и судья, не имѣютъ ни права, ни возможности заставить присяжныхъ ограничиться постановленіемъ частнаго вердикта.

5) Извѣстный парламентскій актъ 1792 г. о пасквилахъ (*Libel-Act*) и исторія его происхожденія не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія касательно того, что присяжнымъ принадлежитъ рѣшеніе всего вопроса о виновности, если, впрочемъ, они сами не откажутся отъ оцѣнки фактовъ, признанныхъ ими за достовѣрные.

6) Новѣйшее законодательство еще значительно увеличило вліяніе присяжныхъ на оцѣнку фактовъ, ибо оно съ одной стороны благопріятствуетъ составленію обвинительнаго акта въ возможно общихъ выраженіяхъ, а съ другой — предоставляетъ присяжнымъ широкія права въ отношеніи пропзнесенія приговора, видоизмѣняющаго обвиненіе (и притомъ выражаемаго чисто техническимъ языкомъ, какъ напрем.: «виновенъ въ покушеніи на....»).

Въ виду такихъ очевидныхъ фактовъ вѣтъ надобности доказывать, что взаимное отношеніе судей и присяжныхъ невозможно свести къ такой простой формулѣ, какова искони установившаяся въ англійскомъ правѣ; а потому эта послѣдняя, какъ правило, подлежащее безчисленному множеству исключеній, врядъ ли можетъ приносить какую нибудь пользу. Но съ другой стороны безусловно отрицать эту формулу мы тоже не вправе, и притомъ же это значилобъ обойти самый трудный вопросъ, касающійся судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ.

Поэтому необходимо рассмотретьъ подробно слѣдующіе вопросы:

1) Въ чемъ именно заключается задача судей и въ чемъ состоитъ задача присяжныхъ?

2) Какимъ образомъ дѣятельность одного изъ этихъ двухъ факторовъ суда присяжныхъ переходитъ за предѣлы дѣятельности другого?

3) Какія приняты мѣры предосторожности къ сохраненію на практикѣ раздѣльной черты между функціей судей и функціей присяжныхъ?

Матеріалъ для отвѣта на эти вопросы доставить намъ главнымъ образомъ внимательное изученіе англійскаго присяжнаго судопроизводства въ томъ видѣ, въ какомъ оно является на практикѣ, ибо нельзя отрицать, что въ дѣломъ англійская судебная практика установилась окончательна, и что возникавшіе въ разное время между англійскими юристами споры о нѣкоторыхъ вопросахъ относительно суда присяжныхъ, какъ бы ни были поучительны сами по себѣ, въ сущности обнимаютъ лишь весьма незначительную часть области присяжнаго судопроизводства. Тѣмъ не менѣе мы должны будемъ обратить вниманіе на эти споры, равно какъ на многія другія обстоятельства, которыя могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на возбужденный нами вопросъ.

Вслѣдствіе этого, самостоятельному разбору вопросовъ, которые мы предложили себѣ, должно предшествовать:

а) собраніе матеріала, необходимаго для оцѣнки господствующаго въ Англій и Сѣверной Америкѣ взгляда на отношеніе судей къ присяжнымъ, а также подробная исторія спора, возникшаго между англійскими юристами относительно процессовъ о печати;

в) краткое изложеніе правилъ, опредѣляющихъ отношеніе присяжныхъ къ юридическому вопросу въ гражданскихъ дѣлахъ.

I. Взглядъ, господствующій въ Англій и Сѣверной Америкѣ, на взаимное отношеніе судей и присяжныхъ.

Вопросъ о томъ, должны ли присяжные рѣшать юридическій вопросъ сами, или они обязаны въ этомъ отношеніи слѣдовать наставленію суда, какъ извѣстно, породилъ жаркій споръ между юристами. Чтобы ориентироваться въ этомъ спорѣ недостаточно сопоставить положенія *за* и *противъ*: нужно также опредѣлить, въ какой именно мѣрѣ данное положеніе рѣшаетъ вопросъ утвердительно, или отрицательно; а для этого необходимо обращать вниманіе на самыя основанія, приводимыя въ подкрѣпленіе того или другаго положенія. При такомъ соображеніи основаній очень часто оказывается, что иное, повидимому, весьма опредѣленное рѣшеніе, если мы примемъ во вниманіе основанія, на которыя оно опирается, слѣдуетъ истолковать въ гораздо болѣе тѣсномъ смыслѣ; сверхъ того обнаруживаются многія другія обстоятельства, которыя безъ надлежащаго разбора основаній, были бы упущены изъ виду. Такъ, напримѣръ,

известное положение: *«de jure respondent iudices, de facto juratores»* (т. е. юридический вопрос рѣшаютъ судьи, а фактический — присяжные) въ которые — между прочимъ *Кокъ* (Coke) — выражаютъ въ слѣдующей отрицательной формѣ, — *«sicut ad quaestionem facti non respondent iudices, ita ad quaestionem juris non respondent juratores»* (какъ судьи не рѣшаютъ вопроса о дѣйствительности событiя, подавшаго поводъ къ обвиненiю, такъ присяжные не рѣшаютъ юридическаго вопроса). Очевидно, что отрицательная форма употребляется тутъ не безъ умысла.

Если мы обратимся къ судебнымъ приговорамъ прежняго времени, бросающимъ свѣтъ на взаимное отношенiе судей и присяжныхъ, то прежде всего намъ представляется одинъ старинный процессъ, въ которомъ нужно было рѣшить вопросъ о томъ, совершилъ ли подсудимый убiйство предумышленное (murder), или непредумышленное (manslaughter). Присяжные не могли прийти къ соглашенiю между собою относительно этого вопроса и наконецъ приняли такой компромиссъ: «объявить подсудимаго *«невиннымъ»* (т. е. виновнымъ только въ непредумышленномъ убiйствѣ); если же судъ не одобритъ этого приговора, то измѣнить послѣднiй въ обвинительный». Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ присяжные, какъ видно, не могли согласиться между собою относительно рѣшенiя юридическаго вопроса и не были убѣждены въ справедливости мнѣнiя суда, а потому приняли компромиссъ, въ основѣ котораго лежало намѣренiе рѣшить дѣло согласно съ мнѣнiемъ суда. Ихъ подвергли штрафу, «за то» — какъ сказано въ опредѣленiи о наложенiи штрафа — «что они, не будучи согласны относительно отвѣта на юридический вопросъ, сговорились дать приговоръ, какъ бы это соглашенiе послѣдовало, и притомъ слѣпо покорились мнѣнiю суда о юридической сторонѣ дѣла» (for having, when they were not agreed among themselves upon the point of Law, entered into an agreement to bring in a verdict as if they were agreed, and in blind compliance with the opinion of the court in matter of Law.).

Совершенно иное употребленiе сдѣлалъ судъ изъ присвоенной себѣ власти подвергать присяжныхъ наказанiю за приговоръ въ слѣдующемъ известномъ случаѣ. Въ 1670 г. предъ лондонскимъ городскимъ судомъ разбирался процессъ двухъ квакеровъ *Нема* и *Мида*, сужденныхъ по обвиненiю въ произнесенiи предъ толпою народа, собравшейся на улицѣ *«Gracechurch»*, проповѣди возмутительнаго содержанiя: Судья сказалъ присяжнымъ, что имъ слѣдуетъ рѣшить только то, дѣйствительно ли подсудимые говорили проповѣдь; ибо вопросъ о томъ, возмутительно ли содержанiе проповѣди и была ли она произнесена съ преступной цѣлью, составляетъ вопросъ юридический, а не фактический, и потому они не должны касаться этого вопроса. Присяжные дѣйствительно ограничили себя обсужденiемъ того, что было предостановлено ихъ опѣнѣнiю: они объявили подсудимыхъ виновными *«въ произнесенiи речи на улицѣ»*. Но когда судъ

не согласился дать законной силы этому вердикту и отослать присяжных къ новому совѣщанію (причемъ ихъ держали вирожденіи 40 часовъ взаперти и безъ пищи), то они въ новомъ приговорѣ объявили подсудимыхъ «невинными». За это судъ подвергъ ихъ штрафу. Одинъ изъ присяжныхъ, *Бошель* (Buschel), обратился съ жалобой на дѣйствіи городского суда въ судъ королевской скамьи. Городской судъ въ своемъ объясненіи, представленномъ въ судъ королевской скамьи по поводу жалобы Бошеля, сказалъ, что онъ приговорилъ присяжныхъ къ пенѣ на томъ основаніи, что они «опростили Пенна и Мида вопреки закону, вопреки доказательствамъ и вопреки наставленію суда относительно юридическихъ пунктовъ дѣла». При разбирательствѣ процесса Бошеля въ судѣ королевской скамьи верховный судья *Вогэнъ* (Vaughan) высказалъ слѣдующее мнѣніе, на которое теперь очень часто ссылаются англійскіе юристы: «объясненіе городского суда, что будто присяжные дали приговоръ вопреки постановленію судьи относительно юридическаго вопроса, взятое буквально, непонятно и ничего не выражаетъ. Ибо какимъ образомъ юридическій вопросъ одинъ можетъ составить спорный предметъ (issue), подлежащій обсужденію присяжныхъ? Присяжнымъ никогда не предъявляется доказательствъ на счетъ того, что законно и что незаконно... Если слова: «вопреки наставленію суда относительно юридическаго вопроса» означаютъ, что судья, выслушавъ доказательства сторонъ на судѣ, можетъ сказать присяжнымъ: «законъ въ пользу обвинителя, или въ пользу обвиняемаго, и вы будете подвергнуты денежному штрафу и заключенію въ тюрьмѣ, если не рѣшите въ пользу той стороны, въ пользу которой законъ», и что въ этомъ случаѣ присяжные должны безусловно повиноваться приказанію судьи: то очевидно, что судъ присяжныхъ есть ничто иное, какъ утомительный окольный путь для рѣшенія дѣла, учрежденіе обременительное для гражданъ и совершенно бесполезное для цѣлей отправленія правосудія».

Исходной точкой этого мнѣнія, очевидно, служитъ мысль, что то, что подлежитъ рѣшенію присяжныхъ, никогда не можетъ быть *чисто* юридическимъ вопросомъ, и что если фактической и юридической вопросы связаны между собой, то нельзя допустить, чтобы судья на основаніи этого присвоилъ фактически исключительно одному себѣ рѣшеніе дѣла, или, какъ выразился Вогэнъ, «чтобы судья сначала, при разбирательствѣ процесса, своимъ сужденіемъ устанавливалъ факты дѣла, затѣмъ, зная факты, определялъ, на чьей сторонѣ право, и наконецъ приказывать присяжнымъ сообразно тому провознести приговоръ (shall by his own judgement first resolve upon any trial, what the fact is, so knowing the fact shall then resolve, what the law is, and order the jury severally to find accordingly). Но и мнѣніе Вогэна само по себѣ очень неясно; оно можетъ быть понято только тогда, когда мы примемъ въ соображеніе

возникшій въ процессѣ Пенна и Мида споръ между судьей и присяжными, въ которомъ первый руководился желаніемъ заставить присяжныхъ объявить проповѣдь подсудимыхъ *возмутительною*, не давая имъ (присяжнымъ) участія въ рѣшеніи вопроса о томъ, возмутительно ли содержаніе этой проповѣди.

Приведенный случай составляетъ уже переходъ къ *processum o lechoty* (процессамъ о пасквиляхъ, libel), исторія которыхъ имѣетъ весьма важное значеніе для опредѣленія взаимнаго отношенія судей и присяжныхъ въ Англіи.

Понятіе пасквиля (libel), какъ извѣстно, обозначено въ англійскомъ правѣ въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ что рѣшеніе вопроса о томъ, составляетъ ли данное сочиненіе пасквиля, зависитъ гораздо болѣе отъ разбора и оцѣнки самаго сочиненія, чѣмъ отъ установленныхъ общихъ правилъ. Если бы судъ обязанъ былъ ограничиваться изложеніемъ присяжнымъ этихъ общихъ правилъ, то его задача была бы ничтожна, и онъ долженъ бы былъ предоставить присяжнымъ рѣшеніе дѣла въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это бываетъ въ большинствѣ другихъ случаевъ. Но судьи были тѣмъ менѣе склонны къ предоставленію присяжнымъ такого широкаго права, что процессы о печати имѣютъ одну техническую особенность, которая встрѣчается еще только въ весьма немногихъ другихъ родахъ дѣлъ, именно: въ процессахъ о печати возможно, повидимому, совершенное сопоставленіе конкретныхъ фактовъ и примѣнимыхъ къ нимъ терминовъ закона. Въ обвинительномъ актѣ, по дѣлу о печати, нельзя довольствоваться общими выраженіями, а непременно нужно буквально привести самыя мѣста сочиненія, подавшія поводъ къ обвиненію. Такимъ образомъ эти мѣста становятся частью судебного протокола, и потому, въ случаѣ пропавшенія присяжными обвинительнаго пердикта, подсудимый можетъ просить, юсредствомъ *«motion in arrest of judgement»* или *«writ of error»*, объ отмѣнѣ приговора, ссылаясь на то, что изъ протокола не видно, чтобы сочиненіе, о которомъ идетъ дѣло, имѣло указаные въ законѣ признаки пасквиля. Слѣдовательно, можно ли утверждать, что въ процессахъ о печати вопросъ, подлежащій рѣшенію, есть вопросъ чисто фактической, рѣшеніе котораго принадлежитъ однимъ присяжнымъ? Но точно также неправы были и тѣ, которые впадали въ противоположную крайность, объявляя вопросъ о томъ, составляетъ ли подлежащее сочиненіе пасквиля, вопросомъ чисто юридическимъ, и устраивая присяжныхъ отъ всякаго участія въ рѣшеніи этого вопроса. Ибо очевидно, что такимъ образомъ лишали присяжныхъ права, безусловно признаваемого за ними въ безчисленномъ множествѣ другихъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ судъ только налагалъ имъ относящіяся къ данному случаю правила, предоставляя имъ самимъ примѣненіе этихъ правилъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить то, что въ Англіи не менѣе, чѣмъ на материкѣ, судьи

пытались и до сих пор пытаются вопрос о наличии умысла отнести къ разряду чисто юридических вопросов. Вслѣдствіе этого отъ присяжныхъ требовали, чтобъ они употребили въ вердиктѣ термины: «*злоумышленно*» (maliciously) и т. п., запрещая имъ въ тоже время разсуждать о томъ, признанны ли эти термины къ данному случаю. Отсюда именно и возникла та страшная путаница, которая долгое время господствовала въ производствѣ процессовъ о печати, и которая не разрешена вплоть даже и знаменитымъ парламентскимъ актомъ 1792 г. о пачивляхъ (Libel-Act), изданнымъ по предложенію Фокса.

Извѣстно, что Звѣздная Палата первая установила порядокъ рѣшенія дѣлъ о печати, который и послѣ упраздненія этого тайнаго судилища еще долгое время былъ общеупотребительнымъ въ англійской судебной практикѣ. Такъ что разбирательство дѣлъ этого рода съ участіемъ жюри введено сравнительно уже въ позднѣйшее время.

Мы начнемъ съ знаменитаго процесса «семи епископовъ» (case of Seven Bishops), который воспроизведенъ у Мэколея съ большимъ драматизмомъ. Эти семь епископовъ были преданы суду за поднесеніе петиціи королю Якову II. Фактическая сторона дѣла въ этомъ случаѣ была какъ нельзя болѣе ясна и несомнѣнна; никто также не оспаривалъ, что поднесеніе петиціи королю слѣдуетъ считать равносильнымъ обнародованію ея. И потому, когда присяжные были приглашены дать приговоръ, оставалось рѣшить только вопросъ о томъ, составляетъ ли петиція семи прелатовъ «пачивиль возмутительнаго содержанія, заключающій въ себѣ злоумышленное искаженіе истины». Главный судья въ заключительной рѣчи къ присяжнымъ высказался въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но попросилъ и другихъ судей изложить свое мнѣніе, такъ какъ сказалъ онъ, это вопросъ юридическій. Одинъ изъ судей согласился съ мнѣніемъ предсѣдателя; а двое остальныхъ высказались въ противоположномъ смыслѣ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ такимъ образомъ заключилъ свою рѣчь: «по моему мнѣнію, подлежащій документъ нельзя назвать пачивилемъ; *рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ вамъ, милостивые государи; а же только высказываю свое личное мнѣніе*». Присяжные, которымъ дозволено было взять петицію епископовъ съ собою въ совѣщательную залу, какъ извѣстно, объявили подсудимыхъ невинными.

Затѣмъ мы прямо перейдемъ къ двумъ извѣстнымъ процессамъ о печати, которые производились во времена лорда Мансфилда, и которые первые послужили поводомъ къ ожесточенному спору относительно правосеннаго судьями исключительнаго права въ дѣлахъ этого рода. Въ процессѣ *Вудфалла* (Woodfall), издателя «Писемъ Джюніуса», судья, по обычаю, сказалъ присяжнымъ, что они должны обсудить только два пункта: во-первыхъ, дѣйствительно ли подсудимый издалъ въ свѣтъ брошюру, о которой идетъ дѣло; и во-вторыхъ, дѣйствительно ли эта брошюра

пишетъ тотъ смыслъ, какой приписывается ей въ обвинительномъ актѣ; и затѣмъ предоставитъ суду рѣшить, на основаніи протокола, юридическій вопросъ (т. е. вопросъ о томъ, составляетъ ли предлагаемое сочиненіе пасквили). Присяжные дали слѣдующій вердиктъ: «виновенъ только въ напечатаніи и изданіи въ свѣтъ сочиненія, о которомъ идетъ дѣло». По выслушаніи вердикта, защитникъ потребовалъ прекращенія дальнѣйшаго производства (moved in arrest of judgement), на томъ основаніи: «что преступное намѣреніе составляетъ существенное свойство дѣянія, подтверждающаго виновнаго уголовной отвѣтственности; что въ настоящемъ случаѣ наличность преступнаго намѣренія не констатирована вердиктомъ; и что поэтому она должна считаться не существующею, такъ какъ вердиктъ присяжныхъ не можетъ быть дополненъ выводами изъ него». Противъ этого обвинитель возразилъ, что, по закону, о намѣреніи автора пасквиля слѣдуетъ заключать изъ самаго пасквиля (that the law would collect the intention from the libel itself), и что поэтому въ предлагаемомъ случаѣ опредѣлены обстоятельства, для опредѣленія которыхъ вообще призываются присяжные. Лордъ Мансфильдъ, бывшій председательствующимъ судьей при разборѣ процесса Уудфалла, замѣтилъ, что могутъ быть случаи, въ которыхъ фактъ изданія въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія можетъ представляться противозаконнымъ или не противозаконнымъ; но что въ настоящемъ случаѣ подобнаго вопроса не возникло; эпитеты же: «злонамеренный, возмутительный и т. д.» выражаютъ просто логическія заключенія, выводимыя по закону изъ факта напечатанія и обнаруженія сочиненія. «Если дѣяніе, само по себѣ безразличнаго характера, замѣтилъ Мансфильдъ, становится преступнымъ только тогда, когда оно предпринято съ извѣстнымъ намѣреніемъ, то необходимо, чтобы это намѣреніе было доказано и констатировано присяжными; если же дѣяніе само по себѣ противозаконно, то обвиняемый обязанъ оправдаться, и если ему этого не удастся, или если онъ не въ состояніи ничего привести въ свое оправданіе, то законъ считаетъ преступное намѣреніе существующимъ». Судъ, однакожъ, объявилъ разбирательство не дѣйствительнымъ на томъ основаніи, что въ приговорѣ присяжныхъ прибавлено неупотребительное и двусмысленное слово «только», вслѣдствіе чего этотъ приговоръ сдѣлался сомнительнымъ.

Еще сильнѣе возгорѣлся споръ, о которомъ мы говоримъ, по поводу процесса декана церкви св. Азафа, д-ра Шипли (Shipley), сужденнаго за изданіе брошюры о парламентской реформѣ. Обвинительный актъ формулированъ былъ такимъ образомъ: «обвиняется... въ изданіи злонамѣреннаго, возмутительнаго пасквиля, съ цѣлью возбудить поданыхъ королю къ провиденію насильственнаго измѣненія въ правительствѣ и государственномъ устройствѣ королевства». Защитникъ Шипли представилъ нѣсколько свидѣтелей, слышавшихъ слова подсудимаго, изъ которыхъ:

слѣдовало заключить, что послѣдній не имѣлъ никакого преступнаго намѣренія, выдавая въ свѣтъ упомянутую брошюру. И въ этомъ процессѣ судья (Буллеръ), въ своемъ наставленіи присяжнымъ, сказалъ, что они должны ограничиться рѣшеніемъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли подлежащее сочиненіе издано подсудимымъ и дѣйствительно ли оно имѣетъ тотъ смыслъ, какой придается ему въ обвинительномъ актѣ. И здѣсь присяжные, подобно тому какъ въ дѣлѣ Уудфалла, сначала объявили подсудимаго «виновнымъ только въ изданіи брошюры»; но потомъ, уступая убѣжденіямъ судьи, измѣнили этотъ вердиктъ нъ слѣдующій: «виновенъ въ изданіи брошюры; но мы не рѣшаемъ вопроса о томъ, составляетъ ли эта брошюра пасквиль».

Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ дѣяніе, давшее поводъ къ обвиненію, считается, по англійскому праву, только проступкомъ (*misdemeanor*), то знаменитый защитникъ д-ра Шипли, *Эрскинъ* (*Erskine*), подалъ жалобу на приговоръ суда, проси о назначеніи новаго разбирательства по причинѣ неправильнаго наставленія (*misdirection*), даннаго судьей присяжнымъ. Жалоба эта была мотивирована въ сущности слѣдующимъ образомъ:

1) Вердиктъ присяжныхъ въ *уголовныхъ дѣлахъ* искони имѣетъ значеніе рѣшенія, обнимающаго весь предметъ дѣла, а не ограничивающагося однимъ фактическимъ вопросомъ; и потому подсудимый можетъ быть оправданъ вердиктомъ совершенно и непосредственно. Чтобы присяжные были нъ состояніи постановить такой общій вердиктъ, судья обязанъ дать имъ надлежащее наставленіе относительно юридическихъ пунктовъ дѣла. Но въ настоящемъ случаѣ это условіе не было выполнено; судья объявилъ присяжнымъ, что они не должны рѣшать ни вопроса о преступности сочиненія, ни вопроса о намѣреніи, которое имѣлъ подсудимый, издавая это сочиненіе; вслѣдствіе чего подсудимый былъ признанъ виновнымъ, хотя присяжные не разбирали вопроса о его виновности и не могли объявить его невиннымъ.

2) Никакое дѣяніе само по себѣ и независимо отъ злаго умысла дѣйствующаго не есть преступленіе. Констатированію факта дѣянія представляется лишь *одно изъ доказательствъ* преступленія, за исключеніемъ того случая, когда присяжные по собственной волѣ предоставляютъ суду рѣшеніе вопроса о томъ, составляетъ ли дѣяніе подсудимаго преступленіе, т. е. когда они проносятъ *частный вердиктъ*. Изъ самаго понятія частнаго вердикта несомнѣнно слѣдуетъ, что общій вердиктъ обнимаетъ собою какъ фактическіе, такъ и юридическіе пункты дѣла, и потому судья требуетъ отъ присяжныхъ общаго вердикта, то онъ обязанъ объявить имъ, что они должны взвѣснить все, что было приводимо на судѣ за и противъ обвиненія, и дать имъ наставленіе относительно того, при соблюденіи какихъ условій они могутъ постановить обвинительный

вердиктъ, который рѣшаетъ вмѣстѣ и фактическій и юридическій вопросъ. Въ дѣлѣ же Шинли вердиктъ присяжныхъ нельзя назвать ни общимъ, ни частнымъ: общимъ нельзя назвать потому, что онъ постановленъ безъ обстоятельнаго обсужденія всѣхъ пунктовъ дѣла (coextensive examination); частнымъ нельзя назвать потому, что въ частномъ вердиктѣ не должно бы быть употреблено выраженіе: «виновенъ». Слово «виновенъ» имѣеть двоякое значеніе: юридическое и общепринятое. Если оно употреблено въ вердиктѣ въ юридическомъ смыслѣ, то значить присяжные рѣшили вопросъ о наличности преступнаго намѣренія, не взвѣсивъ доказательствъ, приведенныхъ въ оправданіе подсудимаго, такъ какъ это не было дозволено имъ судьей. Если же присяжные, употребляя выраженіе «виновенъ», не придавали ему юридическаго значенія, а просто хотѣли только сказать этимъ, что подсудимый есть виновникъ, т. е. причина извѣстнаго событія, то вердиктъ ихъ не можетъ служить основаніемъ для судебного приговора.

3) То обстоятельство, что мѣста извѣстнаго сочиненія, составляющія предметъ обвиненія, вносятся въ протоколъ—не даетъ ни малѣйшаго права дѣлать какія-либо отступленія отъ порядка судопроизводства, употребляемаго въ другихъ уголовныхъ дѣлахъ. Ибо отдѣльное мѣсто, вырванное изъ сочиненія, можетъ допускать неблагоприятное для автора толкованіе, какого нельзя придать ему при соображеніи съ содержаніемъ всего сочиненія; цѣлое же сочиненіе могутъ имѣть въ рукахъ только присяжные, а не судья. Но если дозволить присяжнымъ оправдывать подсудимаго на основаніи направленія всего сочиненія, хотя въ этомъ сочиненіи находятся мѣста, составляющія предметъ обвиненія, то само собой понятно, что они должны бы были пользоваться такимъ правомъ и въ томъ случаѣ, если бы все содержаніе сочиненія вносилось въ протоколъ. Соглашаться, что вопросъ о намѣреніи автора можетъ быть разъясненъ при помощи чего-либо не находящагося въ протоколѣ, и въ то же время утверждать, что это намѣреніе, въ силу юридическаго предположенія, которое присяжные не вправе опровергать, обнаруживается изъ самаго факта изданія сочиненія—значило бы впадать въ явное противорѣчіе съ самимъ собой.

4) Вопросъ о томъ, составляетъ ли данное сочиненіе пасквиль возмутительнаго содержанія, вовсе не есть вопросъ юридическій. Ибо судъ долженъ основывать свой приговоръ исключительно только на протоколѣ; слѣдовательно онъ не можетъ принимать въ соображеніе обстоятельствъ, не упоминаемыхъ въ протоколѣ—въ противномъ случаѣ онъ перешелъ бы за предѣлы указаннаго ему круга дѣйствія и основалъ бы свой приговоръ на такихъ фактахъ, которые не доказаны. Если напротивъ смотрѣть на вопросъ о направленіи сочиненія какъ на вопросъ фактическій, то рѣшеніе его очевидно должно принадлежать присяжнымъ, потому что

присяжные, перед которыми происходят судебныя пренія, могутъ обсудить всѣ обстоятельства, обнаруживающія преступное направленіе сочиненія, между тѣмъ какъ судъ не имѣетъ такой возможности.

5) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда о наличности злаго умысла, этого существеннаго свойства преступленія, нельзя заключить изъ самаго факта дѣянія уже потому, что подсудимый приводитъ доказательства въ опроверженіе обвиненія, — во всѣхъ таковыхъ случаяхъ вопросъ о намѣреніи становится чисто фактическимъ и слѣдовательно подлежащимъ рѣшенію исключительно присяжныхъ. Вообще, какъ говоритъ лордъ Мансфильдъ, «изданіе въ свѣтъ чего-либо противозаконнаго составляетъ лишь *одно изъ доказательствъ* злаго умысла». Въ настоящемъ же случаѣ подсудимый приподилъ доказательства въ опроверженіе обвиненія, по судья не предоставилъ присяжнымъ оцѣнки этихъ доказательствъ.

Просьба Эрскина о назначеніи новаго разбирательства по дѣлу Шпили была *отвергнута*. Лордъ Мансфильдъ, мотивируя рѣшеніе суда королевской свамьи, коснулся прежде всего того обстоятельства, что въ настоящемъ случаѣ подсудимый оправдывался. «Всякая подобная защита» — сказалъ главный судья — «возбуждаетъ два вопроса: фактической и юридической. Вопросъ о томъ, можетъ ли извѣстный фактъ, принимая его за достовѣрный, служить законнымъ оправданіемъ подсудимому, есть вопросъ юридическій; вопросъ же о томъ, достовѣрно ли самое показаніе подсудимаго, есть вопросъ фактической. Сообразно этому различію вопросы, *судья обязанъ дать присяжнымъ наставленіе, и присяжные должны слѣдовать этому наставленію, хотя, впрочемъ, они имѣя право постановлять общій вердиктъ, могутъ спутать юридической и фактической пункты для и слѣдовать внушенію своихъ страстей и предразсудковъ*. Вопросъ о томъ, преступно ли извѣстное сочиненіе, которое имѣетъ извѣстный смыслъ и напечатаніе котораго не можетъ быть оправдано по закону, есть вопросъ юридическій; *подсудимый не можетъ пострадать отъ рѣшенія присяжныхъ относительно этого вопроса, ибо послѣдній и постѣ произнесенія вердикта, ясно видѣнъ изъ протокола, что свойственно исключительно процессамъ о печати, потому что въ дѣлахъ этого рода общій вердиктъ «виновенъ» имѣетъ тоже значеніе, какое въ другихъ случаяхъ частный вердиктъ*...

По закону предполагается, что кто совершаетъ преступное дѣяніе *безъ* указаннаго въ законѣ уважительныхъ причинъ, тотъ дѣйствуетъ съ преступнымъ намѣреніемъ... Правило: *«ad questionem facti respondent juratores, ad quaestionem juris respondent iudices»* относится ко всѣмъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы могутъ быть раздѣлены въ самомъ протоколѣ, говорится, которые изъ нихъ подлежатъ рѣшенію присяжныхъ и которые рѣшенію суда; въ